

Чем сегодня примечательны жизнеописания видных советских деятелей, сочиненные в советское время? Они в большинстве своем так скучны и прямолинейны, что и взгляду не за что зацепиться.

Вот что вычитаем мы в тех изданиях о жизненном пути Михаила Степановича Ольминского: пламенный революционер, самоотверженно боролся за создание революционного авангарда российского рабочего класса — партии коммунистов, талантливый литератор-публицист с «вечно воинствующим марксистским пером», выдающийся организатор и активный участник газеты «Правда», беззаветно отстаивающий и развивающий ленинские традиции нашей печати буквально до последних часов своей жизни.

За подобным набором слов невозможно увидеть личность, ее индивидуальность. А ведь это были, как сейчас говорят, креативные фигуры со своим строем мысли, несмотря на общую политическую спайку; с твердым характером, иначе не оказались бы в центре общественной жизни; со сложной биографией, поскольку подавляющее большинство в дореволюционной России отбывало наказания в казематах и ссылках.

Что бы мы наиболее приметного увидели сегодня в биографии Михаила Степановича Ольминского?

Отец его, Степан Николаевич Александров, родился в Воронеже и всю дальнейшую жизнь прожил в губернском городе. Владел хутором Подвальским (ныне Красногвардейский район Белгородской области), а две его сестры — усадьбой в селе Подсереднее (ныне Алексеевский район Белгородской области). Летней порой юный Михаил резвился там с крестьянскими сверстниками. На склоне лет он не раз будет возвращаться в места вдумчивого детства. Отец служил в казенной палате писцом, столоначальником; обвенчался с дворянкой Ольгой Николаевной Чеховой, отец которой, коллежский советник, преподавал словесность в Воронежской духовной семинарии.

Что не хватало юному Михаилу Александрову в том относительно благополучном окружении? Его старшие братья Николай и Владимир не находили ничего предосудительного в существовавшем положении вещей. Михаила же увлекло брожение молодых радикально настроенных умов. В этом нет ничего необычного. Во все времена в молодежной среде вызревают протестные прослойки. Михаил Александров со свойственной возрасту страстью с головой ушел в борьбу против тирании, за справедливость. А социальной несправедливости предостаточно было во все времена.

2

В 1894 году Михаил Александров отмечал: «Первая искра сознания была занесена к нам самоотверженной интеллигентной молодежью лет 20 тому назад. Семя социалистического учения принялось, растет».

Замес на подпольных изданиях и прокламациях состоялся в воронежские гимназические годы, но вызрел в студенческую пору в Петербургском университете. Михаил плотно вошел в плеяду тех, кто жаждал переустройства жизни в России, кого не устраивала явно выраженная социальная обездоленность многих. Его увлекли народнические, а потом народофильские идеи. Молодые люди, казненные за неудавшееся покушение на царя, представлялись ему настоящими героями, бесчинными богатырями. По их гибельному пути двигался и он вместе с женой Екатериной Михайловной Долговой.

Группа подпольщиков во главе с Михаилом Александровым оказалась на примете в жандармерии. Последовали арест, заключение в Петропавловскую крепость и допрос. Интересовались у него многими деталями, в том числе и планом квартиры, обнаруженном при обыске. Чертеж очень был похож на покой Аничкова дворца. Подполковник отдельного корпуса жандармов Клыков спрашивал:

— Как сделан чертеж здания и что он означает?

Следовал ответ:

— Не знаю.

— Откуда у вас коленкор для копирования планов?

— Не помню, чтобы у меня был таковой.

— С кем имели знакомство среди рабочих?

— Говорить не желаю.

— Цель ваших знакомств с рабочими?

— Объяснений по этому вопросу давать не желаю.

Твердость узника поколебать не удалось, однако аргументы для того, чтобы признать Александра как «особо опасного преступника» нашлись. Их искали два года, не выпуская строптивного узника из камеры предварительного заключения. А потом последовал жестокий приговор суда: три года одиночки. Прокурор

не удервольческой группы, отправили в вологодскую ссылку.

Дверь камеры в «Крестах» за Александровым захлопнулась. И вот они — серо-синие стены, кровать, прикрепленная намертво к цементному полу, откидной стул, десять шагов от стены с зарешеченным окном до двери. Скажешь слово — и поражаешься: голос звучит непривычно глухо. Однообразие, гнетущая тишина. В каменном мешке все сделано так, чтобы заключенный почувствовал себя одиноким, незащищенным, подавленным.

Тюремная камера ломала многих. Александров это знал. Узник теряет жизненный стержень от безделья, отсутствия осмысленных занятий. И тут мы отметим самообладание, огромную силу воли 32-летнего революционера. Его тогда покорила реплика прокурора. Он мысленно протестовал: «Нет, поднимусь!» Противостояние отупляющей одиночке Александров видел в занятии литературой, в наблюдении за тем, что происходит за окном. Видна тюремная ограда, а за ней — Нева, просматривается не вся, только часть русла. Речной пейзаж постоянно менялся: двигались вверх и вниз по течению пароходы, всевозможные лодки, слышны были людские голоса.

Как заклинание он пишет стихотворные строки:

Ищи опору только в убежденье,
В запасе лучших сил твоих,
Свободу дай высоких дум стремленью
И не марай уступкой их!

Очевидно, строки не блещут поэтическим изяществом. Ведь человек только приобщался к литературному творчеству, поэтому простительна словесная неопытность. Тем более что потом Александров набрал высоту, равную многим современным толкователям литературы. Он попросил доставлять в камеру труды историков Костомарова, Шлоссера. Заинтересованно штудировал их. За чтением отгонял апатию и удручающее настроение. Затем потребовал сочинения графа Льва Толстого и сатирика Салтыкова-Щедрина. Зачитывался стихами Пушкина, выучил наизусть «Демона» Лермонтова. Появилось исследовательское пристрастие. Он написал статьи о творчестве Льва Толстого, подготовил «Щедринский словарь», который по сей день востребован литературоведами. Тюремное одиночество как бы потворствовало продолжению образования, прерванного исключением из университета.

Примечателен и авторский комментарий: «Словарь составлен в 1897 году во время продолжительного заключения в одиночной тюрьме; составлен он главным образом для личного употребления автора с целью лучше усвоить себе политическую физиономию Щедрина». Кстати, издание, вышедшее уже после смерти Ольминского в 1937 году и ставшее библиографической редкостью, редактировали его друзья Мария Эссен и Пантелеймон Лепешинский.

Все статьи словаря пронизаны иронией: «Авдей — староста Велентьевой, имел очень черные руки» («Господа ташкентцы»), «Барин, по мнению мужиков — «Вот и видно, что настоящий барин — живет и ничего не делает» («Убежище Монрепо»), «Головлева Вера Михайловна — из милости жила в Головлеве у братца и умерла от «умеренности», потому что Арина Петровна корила ее каждым куском» («Господа Головлевы»), «Иван Карлыч — булочник, бенефициар Прокопу покажет Бисмарка» («Культурные люди»), «Многогочие — по мнению Дыбы, означает волнение чувств» («Пестрые письма»)..

Узник получал и оперативную информацию «с воли». Ему удалось убедить тюремное начальство, что «Вестник финансов, промышленности и торговли» — издание, приемлемое для политического заключенного. Справочник выписали за

его счет, со всеми приключениями. А одно из приложений — ежедневная «Торгово-промышленная газета». В ней узник и черпал многие текущие информационные сообщения.

Слова о том, чтобы «высоких дум стремление не марать уступкой», оказались пророческими. В мае 1896 года по случаю коронации императора Николая II ожидалась амнистия. Для этого каждому заключенному предлагалось подать прошение. Михаил Александров отказался, хотя, на первый взгляд, что зазорного в желании поскорее вырваться из тюремных теснин. Всего лишь формальность. Он не желал получать милость от того, против кого боролся. Подавая прошение, заключенный как бы раскаивался в содеянном и просил снисхождения. Михаил Александров расценил такое заявление как малодушие. Характер! Это свойство натуры мы отметим не раз.

3

Затем последовала ссылка. Ведь по приговору суда после одиночки Михаилу Александрову повелевалось пять лет прожить в якутском городке Олекминске. В глухое сибирское поселение он отправился вместе с женой, которой тюремные власти разрешили вологодскую ссылку сменить на якутскую. Отсюда Михаил Александров начал посылать письма, корреспонденции, фельетоны в иркутскую газету «Восточное обозрение». Благо рука уже уверенно держала перо. Товарищи по ссылке дружески подшучивали:

Вот олекминский политик...
Публицист, поэт и критик.

С тех пор и пошло — Олекминский, а проще Ольминский. Этот псевдоним превратился во вторую фамилию, под которой революционер и публицист стал знаменитым.

Группа ссыльных внешне жила будничной, строго регламентированной жизнью. Из поселения — ни шагу без разрешения исправника, по заведенному порядку каждый отмечался у него. Прогулки разрешались. Михаил Степанович поначалу через четверть часа возвращался — тюремная привычка. Он трудно и медленно вступал в жизнь. Отвык обращаться с предметами обихода. Ему подавали стакан чая, а бывший узник механически ощупывал ручку, словно перед ним жестяная тюремная кружка. В комнате произвольно начинал ходить из угла в угол. Но деятельные и энергичные натуры не могли смириться с участью поднадзорных. Они надеялись поскорее окунуться в желанную стихию подпольной работы.

Еще на пути в Олекминск по реке Лене Михаил Степанович сделал запись: «Уже вторую неделю плывут паузки, а конец еще далеко... Наверху и в падах и по склонам — всюду один и тот же бесконечный лес, сибирская тайга... Река повернула на северо-восток, и невольная жуть охватывает при мысли, что направо от тебя на тысячи верст, до самого Великого океана, протянулось безлюдье... И вот, несмотря на всю прелесть весны среди дикой природы, мысль настраивается враждебно к ней... Родятся и обдумываются планы побегов».

Супруги Александровы (будем называть их теперь Ольминские) готовились к бегу, собирали деньги, без которых в дальнюю дорогу отправиться не имело смысла. Завели знакомство с местными жителями, знавшими тайные таежные дороги и готовыми вывести к Байкалу. А там — по железной дороге до самого Урала.

Михаил Степанович вместе с Екатериной Михайловной в эту пору начали пересматривать свои политические взгляды, переходили на позиции социал-демократии.

Оказавшийся в Олекминске руководителем литовских социал-демократов Трусевич попросил Ольминского помочь в побеге, поскольку в Прибалтике готовилась масштабная забастовка, а стачечный комитет был обезглавлен. Михаил Степанович без особых колебаний отдал деньги на побег.

— У тебя мания самоуничтожения, — раздраженно промолвила Екатерина Михайловна в ответ на его доводы.

Вполне вероятно, что этот случай и побудил расстаться с мужем. Михаилу Степановичу оставалось еще три года ссылки, а ее срок окончился. Она могла уезжать в родные места, чем и воспользовалась, оставив в душе Михаила Степановича горький осадок. Забегая вперед, скажем, что разлука усугубила семейную трещину. Встретились они уже за границей, но придерживались разных взглядов на социал-демократию. Михаил Степанович занял позицию большевиков, Екатерина Михайловна — меньшевиков. Это и стало причиной окончательного разрыва. Таков был накал политической непримиримости!

«Мания самоуничтожения» Ольминского проявилась еще раз. В Олекминске появилась новая ссыльная — светловолосая, хрупкая Мария Эссен, своей молодой неумной энергией будоражившая поселенцев. Очень теплые и доверительные, если не сказать больше, отношения сложились у нее с Ольминским. Он пристрастил ее к прогулкам по перелескам и опушкам, к странствиям в тайге, к грибной охоте. В окружении елей, берез, лиственниц вспоминали о прошлом, делились замыслами. Откровенные беседы привели к неожиданным открытиям. Михаил Степанович оказался не древним стариком, каким он представлялся Марии Эссен в первые дни общения, а сорокалетним мужчиной. Да и хрупкой на вид ссыльной было не восемнадцать лет, а двадцать девять, и она уже имела богатую биографию подпольщика. Ольминский, дабы напрямую не афишировать свои чувства, выразил их в шуточном стихотворении. Вот четверостишие оттуда:

Пусть душа твоя «не трансцендентна»,
Что подумаешь — знаем тотчас,
Так скажи, — отчего незаметно
Ты с ума посводила всех нас?

Нет ничего удивительного в том, что Мария Эссен доверила Ольминскому тайные помыслы о побеге. Она не могла терпеливо ждать окончания срока ссылки в богом забытом поселении. Жажда деятельности заставляла идти на риск. Она предложила убежать вместе, но потом заметила:

— Зачем тебе рисковать, если до освобождения осталось несколько месяцев?

Побег готовили тщательно. Раздобыли надежный паспорт. Познакомились с ямщиком, доставлявшим почту на перекладных. Уговорили его пересечь на сани, которые на месте смастерили для побега. В них сделали двойное дно, которое предназначалось для Марии. Стояли крепкие морозы. Михаил Степанович сам уложил беженку на импровизированную полку. Закутал ее в огромную оленью доху, снял свой малахай и приладил ей на голову вместо легкого полушалка. В глазах обоих стояли слезы. Доедет ли, не замерзнет в пути, длина которому сотни верст?

— Встретимся уже там, когда ты выйдешь на волю! — уверенно заявила она и попросила присыпать соломой...

Они встретились уже в Воронеже, в родном городе Михаила Степановича. Обнялись. Мария Эссен жила по чужому паспорту, выполняла очередное подпольное задание. В Воронеже оказалась проездом. Дальше на Саратов должна следовать под видом прелестного и падшего создания по кличке Шикарная. Мария и впрямь выглядела обольстительно, вызываяще картинно.

— Под этой личиной я проехала двадцать городов, и ни одного провала, — пояснила она.

Михаил Степанович проводил ее до пересадки на станции Козлов. Там и расстались. Позже их пути не раз сходились, но не так близко. Мария Моисеевна в советское время работала в Госполитиздате, в других политических структурах, вошла в разряд известных партийных и государственных деятелей.

Большевики, меньшевики — и все социал-демократы. Михаил Степанович все не мог понять суть разногласий между ними. Ведь партия только создана — и уже раскол. Нелегко обошлись ему искания истины в ссылке. Мучительно размышлял он над вопросом: «А не будет ли переход к социал-демократам изменой памяти свято чтимых героев, дело которых я поклялся продолжать?» Те сомнения уже позади, а новые в 1904 году привели его в Женеву, где рассорилось ядро РСДРП. Разобравшись в сути полемики, он принял сторону большевиков, хотя поначалу не соглашался с исповедуемой Лениным линией на жесткую партийную дисциплину, на так называемый демократический централизм, на нетерпимость к другим мнениям. Настораживали бонапартистские замашки партийной верхушки. Но вступив в ряды большевиков, неотступно следовал их путем. Мягкий по натуре, Ольминский был принципиален, когда дело касалось политической позиции. Только один человек мог повлиять на его мнение — Ленин. Такой уровень отношений донесла нам каноническая история компартии. Других фактов не знаем.

Публицистика Ольминского в газетах «Вперед», «Пролетарий», «Звезда», «Правда», где он выступал в роли соредактора, корреспондента и даже корректора, в соответствии с ленинскими представлениями формировала собственное лицо массовой рабочей газеты. Михаил Степанович выступал в печати под псевдонимом «Галерка». Смысл творческого имени он объяснял так: «Я люблю театр, и почему-то так случается, что всегда попадаю на галерку. Публика галерки мне по душе, я чувствую себя здесь между своими».

И все же мнение Галерки в деталях не всегда совпадало с ленинским. Тогда следовали поправки и своего рода выволочки о внеклассовом подходе к оценке иной личности или ситуации. Статья «Задачи дня» для одного из первых номеров газеты «Вперед» в 1905 году так и не вышла, поскольку после ленинского просмотра получила резолюцию: «Тема не выдержана, и основная мысль теряется. Обязательно радикально переделать... Аксельрода Вы неверно толкуете... Принесите оригинал и поспорим. Нельзя давать врагам оружие, неверно толкуя их!» Иными словами, Ольминский не смог «подладиться» к мнению напористого Ленина, которое считалось единственно верным.

В то время в глазах лидера большевиков Галерка и другие женевские единомышленники представляли как «милые ребята, но ни к дьяволу не годные политики». Он писал: «У них нет цепкости, нет духа борьбы, ловкости, быстроты. Вас. Вас. (один из псевдонимов Ольминского. — А.Т.) крайне типичен в этом отношении: милейшая личность, преданнейший работник, честнейший человек, он, я боюсь, никогда не способен стать политиком. Добер он уж очень — даже не верится, что Галеркины брошюры писаны им». Уж на что жесткими политиками были народовольцы, даже их закалка не устраивала Ленина.

По решению ЦК в ноябре 1905 года Ольминский вернулся в Петербург, чтобы налаживать выпуск рабочих газет. Многие страницы большевистской публицистики в начале XX столетия заполнили воинственные выпады против меньшевиков. Ярким полемическим накалом отличалась статья Ольминского «Орган без партии и партия без органа», получившая одобрение Ленина, но с оговорками: пункт седьмой радикально переделать, поправить другие разделы. Михаил Сте-

панович отстаивал марксистскую теорию в книге «Государство, бюрократия и абсолютизм в истории России» и тоже удостоился замечаний заграничного шефа из Кракова об ошибке в определении классовой сущности абсолютизма.

Непримиримость ленинской натуры сказалась и в оценке позиции «Правды», выступившей против ликвидаторов. Ольминский полагал, что не следует «в гневном тоне» выносить на страницы газеты фракционные разногласия, поскольку они вводят рабочих в заблуждение. И получил отповедь: «С каких пор гневный тон против того, что дурно, вредно, неверно... вредит ежедневной газете? (...) Без «гнева» писать о вредном — значит писать скучно». Дескать, газета не примиренческий орган, а боевое оружие.

Ольминский не мог «гневно» писать о своих бывших соратниках — народолюбцах. Он хорошо знал их самоотверженность, преданность своим убеждениям. Собственно, вместе с социал-демократами они шли параллельным курсом в противостоянии царской власти. Михаил Степанович в воспоминаниях «Группа народолюбцев» («Былое», 1906, № 11) с определенной долей сочувствия рассказал о бывших сподвижниках, не подвергая анализу их, как он полагал, романтические утопии. Сегодня мы можем сказать, что та «группа» положила начало террору в России. И тут уже речь не о романтических утопиях, а роковой исторической ошибке, эхо которой слышится по сей день. Ленинская оценка была категоричной: «Какие у Вас народолюбцы вышли умные, а социал-демократы глупые». И суть этой оценки сводилась вовсе не к осуждению террора. Ленин не жаловал последователей казненного брата Александра, ибо в юности зарекся:

— Мы пойдем другим путем.

Всех несогласных он считал противниками: «Кто не с нами, тот против нас».

Не станем сегодня выяснять степень боевитости публицистики Ольминского, она более интересна историкам большевистской печати. В основном была заострена на обличение всякого рода оппортунистов и нацеливала пролетариат на свержение «клики царских слуг» и буржуазии. Не будем придирааться к его литературным взглядам. Они полностью подчинены классовому воззрению. Потому, по мнению Ольминского, Куприя «не смог стать выше пошлостей, которые твердит самый заурядный буржуй», Чехов «не открыл таких новых путей, по которым могло бы пойти в будущем все художественное творчество», Лев Толстой «вбивал осиноый кол в гроб революции». Отметим лишь «Щедринский словарь», востребованный и сегодня, поскольку это исследование облегчает ориентировку в огромном литературном наследстве писателя-сатирика, помогает находить нужные образы, определения, понятия, имена, подводит к пониманию мировоззрения Салтыкова-Щедрина. Кстати, издание, вышедшее уже после смерти Ольминского в 1937 году, редактировала Мария Эссен.

Зато редакторский почерк Михаила Степановича очень показателен. Примечательный пример мы позаимствуем из его статьи «Как я стал литератором» (1922 год):

«Описывалась демонстрация, кажется, в Твери. В конце сказано: «Явившаяся на место происшествия местная полиция арестовала восемь человек демонстрантов». Подобные фразы были обычным явлением. Нужно ли было печатать их целиком? Например, «местная», — разве в Твери могла явиться полиция не местная, а казанская? Затем, «явившаяся на место происшествия», — разве могла она арестовать, не явившись? А «полиция», кто же арестует, кроме полиции? Наконец, «человек демонстрантов», конечно, не коров и не прохожих. Остается для печати — «Арестовано восемь»; только и нужно, а все остальное — вода».

Некоторые корреспонденты иронически поговаривали, что после правки Ольминского остается только точка в конце статьи.

В 1922 году Ольминский перенес инсульт. Следующим летом его направили на лечение в бывшее имение Барятинских в Курской губернии. Там оборудовали дом отдыха. Михаил Степанович изменил маршрут и приехал в Алексеевку. Сразу заглянул в волостной комитет компартии, а там шло заседание. Он открыл дверь кабинета и закашлял — так было накурено. Колоритная борода Ольминского привлекла внимание собравшихся, но он извинился за вторжение и сказал, что подождет в соседней комнате. Заседание затянулось, технический секретарь выглядывал и общался с председателем Енину, что дед все сидит. Неожиданно заседание прервал возбужденный начальник почты, ворвавшийся в дымный кабинет:

— Телеграмма из Москвы!

В депеше сообщалось, что направлявшийся в дом отдыха в Марьино Ольминский на место назначения не прибыл. Если он в Алексеевке, то ЦК РКП(б) просит оказать ему содействие в жилье, доставке газет и прочих услугах. Догадались, кем являлся дед. Выглянули из кабинета, а его и след простыл. Оказалось, он ушел на базар, познакомился с подсередненским крестьянином и напросился к нему в обратные попутчики. На второй день Михаила Степановича нашли в Подсереднем, предлагали вернуться в Алексеевку, однако он отказался. Ему приглянулась сельская обстановка.

Да и как могла не пригнуться, если на склоне лет его неужемимо тянуло сюда, как на малую родину. Подсереднее он так и воспринимал, поскольку самая светлая пора детства у него связана с этим селом. Здесь в отрочестве он гостил у сестер отца, приятельствовал с деревенскими огольцами, ходил с ними за грибами, совершал набеги на сады и огороды. Благодушествовал на водяной мельнице дяди, купался в Тихой Сосне, сидел с удочкой на ее берегу. От дяди услышал старинное семейное предание о предке Александровых — крепостном крестьянине, который из костромских земель убежал в южные вольные степи, отличился в нескольких сражениях с крымскими татарами и был пожалован дворянским званием и землей возле Тихой Сосны.

Пошатнувшееся здоровье жаждало деревенской тишины и покоя. О своем душевном настроении сообщил брату Николаю: «...С тех пор, как были получены твои письма из Подсереднего, меня стало сильно тянуть туда... Я же, часто вспоминая те края, жду не дождусь лета, чтобы проводить его там, на свободе, в саду. Мне кажется, что там я поправлюсь лучше, чем где бы то ни было».

Теперь он с удовольствием бродил по саду, иной раз наводил порядок среди деревьев. Каждый удобный случай использовал для общения с крестьянами. Каково настроение сельского люда, что принесла ему новая власть? Вопросы и вопросы. Они будоражили большевика, установившего эту власть. Отмечал слабость деревенской кооперации и советовал подсереднецам, как лучше ее организовать. Предлагал привлекать для агитационной работы демобилизованных красноармейцев, поскольку в них видел «наиболее культурный элемент среди крестьянства».

Познакомился с местным начинающим художником Леонидом Барбариним. — Вы бывали в Третьяковке? — поинтересовался Михаил Степанович у него.

Тот застенчиво промолвил, что ему за всю жизнь не вырвался в Москву из захолустного села. Ольминский обнадежил его и в 1929 году позаботился о приезде Барбарина в столицу. Поселил его в своей кремлевской квартире, наметил точки экскурсионных выходов. С душевным трепетом рассматривал художник картины в Третьяковской галерее, широко открытыми глазами глядел на здания и памятники Москвы. Провожая гостя домой, Ольминский подарил ему в красочном переплете книгу «Искусство СССР».

В следующем году Михаил Степанович таким же образом «лечился» в Подсе-

реднем. Недуг отпустил его в дальний, но близкий сердцу путь еще в 1927 году. На этот раз он приехал в Алексеевку поездом 7 июня. Чтобы избежать торжественной встречи, предупредил о своем прибытии только комсомольцев Степана Миргородского и его товарища. Две недели прожил в хате под соломенной крышей на улице Урицкого, затем переселился в дом отдыха на опытной станции. Но и там долго не пробыл. Подсерднее манило с прежней силой, и он уехал туда на все лето. Здесь и сделал примечательный снимок молодой Владимир Синской, сын известного тогда в Алексеевке фотографа. Он запечатлел Ольминского среди подсердненцев и оставил нам единственный зримый документ о пребывании революционера в нашем крае.

Многие знакомства на алексеевской земле скреплялись потом перепиской. Михаил Степанович отправлял из Кремля короткие вести о себе и засыпал адресатов вопросами: как налаживается колхоз, большая ли тяга у крестьян к образованию и культуре, идет ли рост партийных рядов? Ответы поступали от подсердненских учителей В.И. Волоткина, Д.Я. Сластенко, заведующего красным уголком С.П. Попова, заведующего избой-читальней И.В. Титова, от семьи друга детства А.Г. Могилына, от председателя колхоза И.С. Чертова. Эти письма, сохранившиеся в архиве Ольминского, на примере Подсерднего воссоздают историю перелома крестьянской жизни — от собственника к колхознику.

Деятельная натура Михаила Степановича письмами не ограничивалась. Он всячески старался ускорить перемены, провозглашенные новой властью. Переслал политическую литературу, радиоприемники, овощную и цветочную рассаду в Подсерднее, книги для общественной библиотеки в Алексеевку. Проявил настойчивость перед Обществом старых большевиков и добился шефства над Алексеевским районом. Это Общество занималось и политикой и экономикой. В районе большевики выступали с речами перед разной аудиторией. Заодно нашли средства для строительства второго корпуса больницы и приобретения медицинского оборудования, для реконструкции завода эфирных масел, пополнения печатных машин в типографии.

На этой волне родилась идея переименовать Алексеевку в город Ольминский. Появилась задумка в бюро Общества старых большевиков, бумага была «спущена» волостному комитету РКП(б), там ее одобрили и передали в волисполком для дальнейшего продвижения по инстанциям. На этом следы инициативы затерялись. То было в 1927 году. Понимаю натуру Ольминского, можно представить, какую сокрушительную оценку получили бы инициаторы из его уст, узнай он о столь «почетном» для него начинании. Между тем не все товарищи по партии чувались прижизненных наименований, бюстов, памятников...

6

Михаил Степанович в советское время, поселившись в Московском кремле, остался верен старой закалке, жил по-прежнему «в режиме самоотречения», без претензий, сохранял достоинство и порядочность. Неспроста он возглавил Общество старых большевиков, которое стремилось эти нравственные черты укоренить в массовом сознании.

В декабре 1928 года газета «Комсомольская правда» поместила его короткую статью под заголовком «Подарки или взятки?» Ольминский резко осуждал бытовавшую на периферии привычку одаривать прибывших по служебным делам должностных лиц. Не видели в этом ничего предосудительного ни местные руководители, ни гости. Разумеется, эти подношения чаще всего оборачивались взятками. Автор статьи резюмировал: «Дают подарки — ждут отдарков». Порочная практика, по его убеждению, приводила к моральным и служебным издержкам.

В молодежной газете развернулась полемика. «Комсомолка» напечатала несколько подборок откликов на статью. С учетом многообразия мнений Михаил Степанович подготовил выступление в «Правде». Он так характеризовал социальное зло: «Подарок очень сродни взятке... Для непонимающих могу только объяснить, что разница между подарком и взяткой иной раз сводится к тому, что взятка дается за непосредственную «услугу», подарок в расчете на будущее».

И в быту он оставался последовательным. Как бы мы сегодня расценили вот такой поступок Ольминского? Дочь большевика старой закалки Лепешинского, которой он помог в лечении, в благодарность прислала ему комнатные туфли. Ему, больному после контузии и инсульта, трудно приходилось обуваться. В ответ получила записку:

«Товарищ Ольга Пантелеймоновна! Ольга Борисовна передала мне от вашего имени меховые туфли. Возвращаю их вам, так как принципиально не признаю «подарков», о чем вы имели возможность прочесть в «Правде» и в «Комсомольской правде». Этот «подарок» — совсем не то, что, например, я делюсь с Пантелеймоном Николаевичем (ее отцом — авт.) экземпляром сочинений Ленина, которых я получаю два по службе. Я был очень далек от того, чтобы торговать Лениным за деньги или за туфли. Всего доброго. М. Ольминский».

Известен еще один случай, на этот раз с банкой меда. Подарок передали из алексеевского колхоза, которому было присвоено его имя. Михаил Степанович переслал за мед деньги в хозяйство и вслед сердитую записку в главный партийный орган Алексеевки, статью такого же содержания в воронежскую газету «Коммуна».

«Приношениями» и мздоимство Россия жила издавна. Гоголевский персонаж в «Ревизоре» вовсе не скрывал, что берет взятки, правда, борзыми щенками. Что последовало за публицистическим призывом Ольминского? Какими глазами посмотрел бы он на то, что сегодня вершится в России-матушке! Такой уровень коррупции ему не мог привидеться и в страшном сне.

7

Ольминский учился на юридическом факультете, где принципы демократии рассматривались будто через увеличительное стекло. Почему-то ни в одном публицистическом выступлении он не подвергал сомнению легитимность революции — насильственного захвата власти. Ведь группа людей, действующая якобы от имени народа, присваивает себе право управлять государством.

Троцкий пояснял: «Революция есть разрыв социальной лжи. Революция правдива. Она начинается с того, что называет вещи и отношения их собственным именем». То есть право действовать насильственным путем во имя свободы народа революционеры присваивали себе.

Вспоминается дневниковая запись профессора и литератора Никитенко еще в середине XIX столетия: «Нынешние крайние либералы со своим повальным отрицанием просто страшны. Они в сущности те же деспоты, только навыворот: в них тот же эгоизм и та же нетерпимость, как и в ультраконсерваторах. На самом деле, какой свободы являются они поборниками? (...) Начните со свободы самой великой, самой законной, самой вожденной для человека, без которой всякая другая не имеет смысла, — со свободы мнений. Посмотрите, какой ужас из этого произойдет, как они на вас накинута за малейшее разногласие, какой анафеме предадут, доказывая, что вся свобода в безусловном и слепом повиновении им и их доктринам. Благодарю за такую свободу!» Никитенко именовал крайними либералами тех, кому еще не было дано точного определения и кого позже назовут революционными демократами, призывавшими Русь к топору.

Назовите мне политическое объединение, которое не прикрывало и не прикры-

вает свои групповые интересы именем народа. Не подвергали сомнению это право последователи большевиков вплоть до Горбачева, который понимал, что первый секретарь ЦК КПСС не избран всенародно, назначен партийной верхушкой. Попытка рулить государством в роли всенародно избранного президента, однако, закончилась для него провалом.

Фигура Ольминского на Белгородчине была священной. Его имя носил областной пединститут. Премия его имени вручалась ежегодно лучшему журналисту Белгородчины. Такую же премию учредили для воронежских публицистов. В Алексеевке процветал колхоз имени Ольминского, удостоенный ордена Трудового Красного Знамени. Был открыт музей и бюст в Подсереднем, посвященный революционеру. Даже в Москве его фамилией назвали проезд. Во всех этих инстанциях ныне упоминание Ольминского стерто. В Алексеевке по-прежнему носят его имя лишь улица и поселок, выстроенный бывшим колхозом. Остались все-таки воспоминания товарищей по партии, издано несколько книг о его жизни. И в стихах отразилась личность публициста. Поэт Владимир Федоров в книге «Тени беспокойных земляков» отмечал:

Ты в дали всматривался зорко
И сердцем чуял ярость драк.
С тобой, товарищем Галеркой,
Рад познакомиться земляк.
.....
Девчата в звездный час салюта
По шумным улицам родным
Пройдут из двери института,
Что назван именем твоим.

Стоит ли говорить о драме человека? Человека, который истово исповедовал теорию классовой борьбы и ратовал за социальную справедливость. Был одержим настолько, что идеологию, пожалуй, превратил в религию. Большевик Васильев-Южин вспоминал, как на причину разрыва с женой Ольминский промолвил: «Можно собственными руками задушить любимого родного брата, если он вреден для дела революции». Думается, сказано это в эмоциональном состоянии и не стоит воспринимать фразу буквально. Когда в первые годы советской власти у бывшего полковника царской армии Николая Степановича Александрова два раза пытались отобрать усадьбу в Подсереднем, Ольминский всякий раз отстаивал право брата на собственность.

Михаил Степанович был убежденным человеком, можно сказать, по-рыцарски относился к революции. Все мысли и чаяния только о ней — ничего личного. В обыденном представлении личной жизни у него не было. Что он приобрел? Бытовую неустроенность: до конца своих лет так и не обзавелся собственной крышей над головой. Молодые годы подтачивало въедливое чувство опасности. Почти десять лет отбывал наказание: одиночка, ссылка. Семейный разрыв оставил его бо-былем. Напряженная публицистическая поденщина не позволяла выкроить время для отдыха, поскольку «душа болела за газету». Контузия во время эсеровского покушения в московском Перелешинском переулке в 1918 году спровоцировала инсульт. Во имя чего? Чем все это обернулось в конечном итоге?

Думается, произошла не столько драма человека, сколько драма идеи, им исповедуемая. Даже не идеи, а способа ее претворения в жизнь. Вспоминается расхожее: «Хоть цель оправдывала средства, но средства подрубили цель». Мы и сегодня далеки от всеобщей гармонии. Проблема социальной справедливости не ушла в тень, а приобретает прежнюю остроту. Как ее решить? Каким путем? Поколение революционеров показало, что его самоотречение достойно уважения, однако не все на выбранном им пути стоит повторять.